

Иренеуш Шарыч

Религиозный канон в "Сказании о Борисе и Глебе" и "Повести о Петре и Февронии" : сравнение

Studia Rossica Posnaniensia 29, 35-41

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РЕЛИГИОЗНЫЙ КАНОН В СКАЗАНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ
И ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ.
СРАВНЕНИЕ

RELIGIOUS CANONS IN *THE TALE OF BORIS AND GLEB*
AND *THE LEGEND OF PETER AND FEVRONIA*.
A COMPARISON

ИРЕНЕУШ ШАРЫЧ

ABSTRACT. The anonymous author of the 11th century *Tale of Boris and Gleb*, emphasises the two saints' voluntary acceptance of death after the example of Christ. In the *Tale* appears for the first time one of the leading characteristics of Russian Christianity-humility and the acceptance of fate in imitation of deeds of Christ. The 15th century *Legend of Peter and Fevronia*, in contrast to the *Tale*, supplies many everyday details from the life of these saint-spouses. The composition of the narrative is complex, containing legendary folklore motifs. The elements of traditional Byzantine *vitae* can only be found in the final part of the *Legend* which ends with a description of the hero's and heroine's death and posthumous miracles.

Ireneusz Szarycz, Department of Germanic and Slavic Languages and Literatures, University of Waterloo, Waterloo, N2L 3G1 Ontario – Canada.

Появление письменности на Руси в девятом веке было обусловлено созданием славянского алфавита македонскими просветителями – братьями Кириллом и Мефодием. Литература, однако, как культурное и социальное явление Древней Руси, рождается и получает развитие в прямой связи с принятием христианства в 988 году. В 80-х годах десятого века появилась потребность в литературе – распространительнице новой веры и в качестве средства, противоборствующего язычеству: поучения местных и зарубежных христианских богословов, наставления церковных иерархов, которые первоначально переводились с греческого и болгарского языков.

Научный интерес к древнерусской литературе начал проявляться в XV веке, но до XIX века ее исследование ограничивается описаниями, созданием каталогов, собиранием и публикацией отдельных летописей и их изучением с библиографической и книговедческой точки зрения. Во второй половине XIX века появляются исследования, уделяющие большое внимание духовным стихам, легендам и житиям святых, а в конце этого же века в петербургской Академии наук создается школа текстологического исследования древнерус-

ских текстов во главе с А. А. Шахматовым и В. Н. Перетц. В послереволюционные годы исследовательская работа замирает и возобновляется только в третьем десятилетии двадцатого века.

Древнерусская литература широко исследуется и за границами России¹. Однако в исследованиях русских и зарубежных славистов замечается принципиальное различие. Имея в виду, что в древнерусской литературе, особенно в ее начальном периоде, большую часть составляют религиозные произведения, в работах русских исследователей роль христианства, влияние зарубежной литературы в значительной степени подавляется. В то же самое время русские ученые, по словам Маркова, обвиняют западных славистов в исследовании русской литературы изолированно от историзма, недооценивая ее значение и роль в развитии мировой литературы².

С самого начала литература на древней Руси появлялась в разных формах. Часть жанров была заимствована из Византии и Болгарии. Другие жанры создавались и развивались на самой Руси. Одним из таких заимствованных, а позже развивающихся в оригинальном виде был жанр житийной литературы, или агиография. Пришедшая из Византии, она стала самой популярной на Руси. Вскоре появились и оригинальные произведения. Причины их появления были следующие: во-первых – стремление русской церкви отделиться от византийской путем создания своих святых, во-вторых – стремление писцов попробовать свои силы в этом популярном жанре.

Если вначале назначением житийной литературы было проповедование идеологии церкви на примере рассказов о жизни человека, который был признан святым, то, меняясь в течение столетий, житийная литература меняет и свое назначение. В XIV и XV веках, еще продолжая служить церкви, она становится более бытовой, все больше и больше раскрывает внутреннюю жизнь человека, его эмоциональное и психологическое состояние.

Цель настоящей работы – сравнить и установить различия в степени канонизации и построения сюжета в житиях двух периодов: в *Сказании о Борисе и Глебе* (XI–XII века) и в *Повести о Петре и Февронии* (XV–XVI века). Эти два жития не являются типичными представителями агиографической литературы. В *Сказании* религиозный канон представлен в нетрадиционной житийной форме, а в *Повести* религиозный канон уступает место легендарно-сказочному мотиву. Их построение также не следует правилам, по которым строится житийное произведение.

Соблюдение канонов в житийном жанре было основным принципом византийской агиографии и состояло из трех основных частей: предисловия,

¹ Смотри, например, D. C h i z h e v s k y (Dmitrij Cizevskij), *History of Russian Literature* (Gravenhage: Mouton, 1960); J. F e n n e l l and A. S t o k e s, *Early Russian Literature* (London: Faber and Faber, 1974).

² Д. Ф. М а р к о в, *Вопросы теории и текстологии сравнительного изучения славянских литератур*. В: *Славянские литературы (VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации)*, Москва 1973, с. 42.

главной части и заключения. В предисловии автор пытался унизить свои литературные способности, оправдывая тем самым свое решение писать о святом. Это достигалось, в основном, с помощью библейских притч. Главная часть включала детальное описание жизни святого, начиная с его детства и включая события до самой его смерти. Особенно подчеркивался аскетизм святого и необыкновенная преданность учению и книгам. Обычно эта часть жития заключалась подробным описанием смерти святого и рассказом о чудесах-исцелениях. Заключительная часть произведения восхваляла святого и его поступки.

Как уже упоминалось, в начальном периоде житийная литература служила средством пропаганды религиозных и политических истин. Той же цели была подчинена и летописная версия *Сказания о Борисе и Глебе*, и анонимного *Сказания и страсти и похвалы святому мученику Бориса и Глеба*, и *Чтения о житии и погублении блаженную стратотерьпицу Бориса и Глеба* Нестора. В связи с проблемами, связанными с поисками текста *Чтения*, для анализа в настоящей работе будет использован текст *Сказания*, которое является наиболее интересным с литературной точки зрения, а также вмещает много элементов житийного произведения.

В конце XIV – начале XV века в политической жизни Руси проходит процесс централизации. Это явление находит свое отражение и в литературе. Житийная литература, сохранив свою традиционную форму, меняет стиль. Таким произведением является *Повесть о Петре и Февронии Муромских*, написанная в XVI веке на основании известного житийного рассказа, пришедшего из XV века. Автором *Повести* историки литературы считают монаха Ермолая-Еразма³. Хотя в *Повести*, в отличие от других житий, сильно выступает легендарно-сказочный мотив, она включает некоторые житийные элементы и по этой причине была подобрана для анализа и сравнения с другим отдаленным от житийных канонов произведением – *Сказанием о Борисе и Глебе*.

Сказание начинается перечислением всех сыновей князя Владимира. Это перечисление и выполняет функцию вступления-предисловия. Изложение событий и жизни братьев также не следует правилам житийного жанра. Далее в общих чертах следует краткое описание чудес и исцелений, совершившихся над гробами святых. Это характерно для жития, так как чисто житийное произведение обычно вмещает длинный и детальный список чудес, совершенных святыми при жизни и после смерти. Конец *Сказания*, как и принято, посвящен восхвалению святых.

Хотя *Сказание* называют также и исторической повестью, по сравнению с *Повестью о Петре и Февронии*, оно включает намного больше элементов житийного жанра: цитаты из Псалтыря и Приточника, многочисленные мо-

---

³ Надо отметить, что не все слависты согласны с данным утверждением. Чижевский, например, сомневается в авторстве Ермолая-Еразма. См.: D. C h i z e v s k y, *History of Russian Literature...*, указ. соч., с. 241.

литвы святых и, наконец, мученическая смерть. *Сказание* предлагает читателю довольно необычные и, по мнению Феннела, не встречаемые в других агиографических произведениях портреты святых⁴.

На первый взгляд, совсем неясно, почему Борис и Глеб были канонизированы. Но всмотревшись глубже, можно найти причины канонизации братьев. Во-первых, это отказ Бориса и Глеба сопротивляться злу, жестокости и несправедливости, так, как и учил сам Бог. Борис после глубокого размышления и преодоления страха перед смертью, решает:

Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед господом моим⁵.

Борис принимает смерть с радостью и благодарностью:

Господи боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава тебе, владыка-человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего!⁶.

Глеб, как и Борис, вначале противится смерти. Он упрасивает своих убийц пожалеть его юность и невинность, но, поняв свое безвыходное положение, смиряется с жестокой участью. И не только смиряется, но в предсмертной молитве сообщает о своей готовности предстать перед Богом.

Борис и Глеб не сопротивляются смерти. В этом им помогает безграничная вера в Бога и любовь к нему. Они воспринимают смерть как нечто светлое и хорошее. Эта безграничная вера в Бога и стремление подражать ему во всем являются второй причиной канонизации братьев. В своей молитве Борис обращается к Богу со следующими словами:

Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на земле и собственною волей давшего приготовить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!⁷.

Борис и Глеб представляют идеалы христианской веры, идеалы безупречного послушания и следования учению Бога. Но кроме религиозных мотивов в *Сказании* присутствует и фольклорный мотив. Особо много народной лирики и устно-поэтических мотивов встречается в плачах Бориса и Глеба, которые близки народным похоронным плачам. Для примера приведем плач Глеба:

Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую⁸.

⁴ J. Fennell and A. Stokes, *Early Russian Literature...*, указ. соч., с. 30–31.

⁵ Л. А. Дмитриев, *Сказание о Борисе и Глебе*. В: *Памятники литературы Древней Руси (XI – начало XII века)*, ред. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев, Москва 1978, с. 281.

⁶ Там же, с. 287–281.

⁷ Там же, с. 287.

⁸ Там же, с. 293.

Из вышеизложенного видно, что *Сказание о Борисе и Глебе*, хотя и значительно отступает от структуры житийного произведения, одновременно представляя религиозный канон в нетрадиционной форме, может быть отнесен к агиографическому жанру.

Совсем по-другому обстоит дело с *Повестью о Петре и Февронии* – рассказом конца XV – начала XVI века. В отличие от *Сказания о Борисе и Глебе*, которое концентрируется только на сцене убийства и смерти братьев, *Повесть* представляет собой довольно подробную картину жизни и смерти Петра и Февронии. И все же *Повесть* трудно причислить к житийному жанру, так как религиозный канон этого произведения уступает место легендарно-сказочным элементам. Это ярко выражается и в тематике произведения, и в его структуре. *Повесть* представляет жизнь святых в их взаимоотношении, а не рисует стереотипных идеализированных характеров, что присуще агиографическому жанру. *Повесть о Петре и Февронии* легко делится на части. Первая часть раскрывает причину заболевания князя Петра. Эта часть очень близка волшебной сказке. Как и в сказке, княгиня узнает от самого змея о его смерти:

Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча!⁹

Дальше *Повесть* отходит от сказочных примеров. Петру не приходится выполнять условия предварительного испытания, а приобретает он волшебный меч с помощью ангела, в виде отрока, явившегося к нему во время молитвы в церкви. Такого рода чудо ближе житийному жанру, чем волшебной сказке.

Получив Агриков меч, Петр решает вступить в борьбу со змеем. Но в отличие от сказочных приемов, Петр полагается не столько на волшебный меч, сколько верит в помощь Бога:

Ныне убо, брате, отсюду никамо же иди, аз же тамо иду братися со змием, да негли божиею помощию уьбен будет лыкавый змий сей¹⁰.

После победы, по законам волшебной сказки, герой должен получить награду. В *Повести* вместо вознаграждения Петр тяжело заболевает:

Змий же явися яков же бяше естеством и наче трепетаться и бысть мертв и окропи блаженного князя Петра кровию своею. Он же от неприязневья тоя крови острупе, и язвы быша, и приде на нь болезнь тяжка зело¹¹.

Заключение первой части *Повести* плавно переходит ко второй, в которой используется другой сказочный мотив – рассказ о мудрой деве. В этой части основное внимание переходит от Петра к Февронии, простой деревенской девушке, дочке бортника. Именно вторая часть вмещает рассказ о начале и раз-

---

⁹ Р. П. Дмитриев, *Повесть о Петре и Февронии Муромских. Изборник*, ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, Москва 1969, с. 454.

¹⁰ Там же, с. 456.

¹¹ Там же.

витии взаимоотношений между Петром и Февронией. Заболевание Петра, лечение его Февронией и последующая женитьба соответствуют сказочным приемам. Но дальше *Повесть* принимает некоторые самостоятельные обороты, нетипичные для сказки. Князь не сразу женится на Февронии. И только повторно заболев и будучи опять вылечен Февронией, Петр сдерживает данное слово и женится на ней. Ум и благородство Февронии помогают ей, несмотря на оппозицию бояр, сохранить и супруга, и высокое положение.

Интересно отметить, что в данной части *Повести* встречается только один момент, параллельный житийному жанру, – чудо со срубленным деревом. Инструментом всех предыдущих чудес, совершенных Февронией, был ее ум и сообразительность. Последнее же чудо совершается, без сомнения, с помощью Бога:

По вечера же святая княгини Феврония ходящи по берегу и видевши древца тья, благослови, рекши: „Да будут сия на утрие дrevие велие, имуще ветви и листвие. Еж и бысть”¹².

Феврония здесь представлена в новом свете: это уже не просто умом и сообразительностью одаренная девушка, а личность, обладающая даром чудотворения.

Заключительная часть является наиболее приближенной к типу агиографического произведения, хотя она и не строится по житийным канонам. Посвящается она описанию смерти святых и подтверждению их святости. Но, надо подчеркнуть, житийная идея одностороннего служения Богу, в *Повести* заменяется служением не столько Богу сколько ближнему. Если в *Сказании о Борисе и Глебе* святые все свои духовные силы направляют служению Богу, то Петр и Феврония полностью посвящают себя служению людям:

И бяху державъствующе в граде том, ходяще во всех заповедах и оправданиях господних бес порока, в молвах непрестанных и милостынях и ко всем людем под властцю сущим, аки чадолюбивыи отец и мати. Беста бо ко всем любовь равну имыще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатства тленнаго ищадяще, но в бога богатеюще. Беста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника. Град свой истинною и кротостию, а не яростию, правяще. Странныя приемлюще, алчным насыщающе, нагие одевающе, бедныя от напастей избавляюще¹³.

Соединение их тел Богом лишний раз подтверждает правильность их решений и поступков, совершенных при жизни.

Структура *Повести* не соответствует житийным канонам. Вместо пышного, богатого литературными приемами стиля используется диалог как основной прием изложения. Главные герои Петр и Феврония больше всего похожи на житийные характеры. Особенно это проявляется в изображении Февронии, которая всегда остается сдержанной и благородной. *Повесть о Петре и Фев-*

¹² Там же, с. 461.

¹³ Там же.

ронии может быть причислена к житийному жанру только формально. Структура *Повести* больше напоминает структуру волшебной сказки, чем жития. Религиозный канон в произведении почти отсутствует.

Подводя итоги, надо сказать, что оба произведения – *Сказание* и *Повесть* следуют тем же литературным правилам, которые существовали во время создания каждого из них. *Сказание*, написанное в первой половине XII века, является сильно управляемым религиозными канонами, хотя его структура не соответствует правилам жития, а „канон” сам по себе представлен в нетрадиционной форме. Но все-таки в целом *Сказание* остается житийным произведением. *Повесть* же, написанная в XV–XVI веках, отходит от религиозного канона и структуры житийного произведения так далеко, что она практически не причисляется к агиографическому жанру. Свое внимание она обращает не столько на Бога, сколько на человека и его эмоции.

На примере только двух агиографических произведений из двух разных эпох видно, что этот жанр с самого начала стремился оторваться от византийского типа жития и создать нечто новое, приближающееся к мирской литературе. *Повесть о Петре и Февронии* является ярким примером этого направления.